

Глава третья
**О многом помнят
старые бараки**

Разбирают старые бараки,
где обрывки сталинских газет,
словно полуспущенные флаги,
возвращают память прошлых лет.

Без труда снимаются, без боли,
словно плащ со старого гвоздя,
незамысловатые обои,
открывая хмурый лик вождя.

И глядят, глядят со стен барачных
два ствола безжалостных зрачков,
сквозь угар, туман и дым табачный
целятся в доживших стариков.

O. Угрюмов

Небесный извозчик

У истории этой два героя, оба уникальны по своей сути. Первый – подвесная дорога. Древесину в наших краях и по дорогам-ледянкам возили, и по узкоколейным железнодорожным, и по лежнёвкам, через болота проложенным. Но только тут, на Сендуге, переправляли её, как это ни фантастично выглядело бы даже сейчас, – по воздуху.

И другой герой – «кулак», «враг народа», и он же один из первых стахановцев Ленского района.

О каждом из них можно рассказать свою историю. Но вышло так, что в звездный час судьбы их слились, хоть и ненадолго, но накрепко.

На Север

Не так давно ушел из жизни Яков Кириллович Виташкевич – один из первых небесных извозчиков на Сендугской подвесной дороге. Механик замечательный, и хотя до всего доходил самоучкой, учеников после себя оставил немало. Стахановец тридцатых годов. Да у нынешней власти это, видимо, не заслуга, хоронили его – никто из лиц официальных слова доброго над могилой не произнес...

Виташкевич – фамилия явно не северная, завезенная к нам сюда, как и сотни других, из Белоруссии в начале тридцатого года на гребне могучей и безжалостной волны спецпереселенчества. До той судьболовной поры был у семьи свой хутор, сад большой. Достаток создавался долго, да оборвался враз: в двадцать третьем зимой нагрянули сюда бандиты, пограбили всё, что могли. Отца не расстреляли только из-за детей: уж сильно сильный подняли крик, когда увидели его связанным под дулами винтовок.

После того случая отец на отдаленный хутор махнул рукой, пошел работать машинистом в городок Лепель на железную дорогу. Благо, с техникой

этой знаком был: ещё при помещике работал на небольшой бумажной фабрике на локомobile. А раз отец при паровозе, разве сын дома усидит? Отец был строгим, брал с собой редко, за баловство считая такие его поездки. Но и сын не без сообразительности. К тому же кочегары – народ добродушный, засунут паренька на тендере паровоза за дрова. А когда паровоз в пути – домой не отошлешь. Так и ездил.

Отца арестовали в конце двадцать девятого. В городе семье жить стало не на что, пришлось перебираться на хутор. Да и там долго жить не дали, однажды нагрянули сельсоветчики с требованием собираться на высылку, дали два часа на сборы.

Привезли на вокзал, а он переполнен народом, шум, плач, крики. На путях состав, вагончики маленькие, двуосные, людей туда прямо забрасывают силой из плачущей, кричащей толпы. Оказались в таком вагоне и они, а когда дверь уж вот-вот готовы были захлопнуть, старший из детей, Яков, было ему тогда всего четырнадцать, вдруг разглядел в толпе отца.

Закричал ему что есть мочи, руками замахал. Тот увидел своих. Пробился через людей и в вагон заскочил:

– Вы куда? Куда направляют вас?

А и знать никто не знает. Матери сказали одно: муж осуждён – враг народа. Отправлен в Архангельскую область. Вот и поезжайте к нему. А где та Архангельская область, говорят, там снега одни? В спешке из дома взяли буханку хлеба да сала кусок на всех. С тем и ехать. Одно теперь успокаивало: вся семья вместе.

Долгая та неделя в пути превратилась в один тягучий кошмар. Разные люди по воле судьбы подобрались вместе, но ехали дружно, делились в пути, чем могли. Когда по нужде требовалось (кто ж будет врага народа по такому пустяковому случаю из вагона выпускать) – имелось для такого случая ведро. Мужчины или женщины вставали в кружок, прикрывая от случайных взглядов.

Котлас, конечная станция на железной дороге, открылся для них печально известной Макарихой, гигантской пересылкой. Сейчас на месте макаринских бараков проходит улица Ленина, стоят жилые дома, проезжают мимо автобусы. О том печальном времени напоминает большой деревянный крест, установленный поляками на кладбище да камень-обелиск. Само же кладбище, земля в нем, принявшая в себя сотни и сотни несчастных, упокоенных здесь без крестов, лишь бугрится слегка. Словно вся она – одна могила.

Но так здесь – сейчас. Весной 1930 года на небольшом клочке земли были согнаны тысячи людей, голодных, больных, страдающих от выпавших

на них несчастий, и еще сильнее от предчувствия тех испытаний, что ожидают впереди. На скорую руку поставленные бараки с трудом вмещали прибывших. А составы всё прибывали и прибывали.

Яков в барак проскочил одним из первых, быстро сориентировался и вскарабкался на верхние нары, заняв место на всю семью. Но долго вместе быть не пришлось. Уже назавтра отца забрали и увезли с другими мужиками из барака неизвестно куда. Яков опять остался в семье за старшего.

В бараках было холодно. А пригревало солнышко – через ветки и песок крыши барака просачивалась вода, и тогда от сырости не могло спасти ничего. Но сильнее донимало иное – голод. Свои запасы давно уже закончились. Давали скучный паёк: сначала по двести граммов на человека, потом по четыреста. Но бывало и так, что день дадут, и другой дадут, а на третий – не жди.

Первой начала сдавать мать. Перестала подниматься, только лежала и молчала, на вопросы не отвечая. Потом стала слабеть сестра. Просыпал Яков, что можно неплохо заработать – платят хлебом – на покойниках. Умирало помногу, каждый день то в одном конце огромного барака, то в другом, слышался страшный плач... Особенно много умирало детей и стариков, от недоедания, от сырости и холода, от болезней, которые с приближением тепла прямо захлестывали лагерь.

Подрядился на работу. Дело выглядело несложным, имел только силы в руках.

Был там барак, куда умерших стаскивали со всего лагеря.

– Приходишь туда, – вспоминал, – там целый ярус покойников высится, человек полтораста, все раздетые догола. За каждого такого покойника, если утащишь до кладбища, нам давали по двести граммов хлеба. Там специальный для этого палочник был – уполномоченный, из числа самих же спецпереселенцев. Вот он и выписывал талончики. Утащишь четыре-пять человек – килограмм хлеба на руки.

– И как таскали?

– Да очень просто. За ноги его зацепишь веревкой и – потащил. Все старались пораньше прибежать, чтобы тех, что поменьше да помоложе выбрать – их легче тащить. За толстого – там немцы помирали, они полные такие были, солидные – никто не берётся. Не хочет такого за двести граммов тащить – давай четыреста! Торгуются как на рынке...

Тем и кормились.

Апрель прошел, май наступил. Тепло стало, запах трупный по лагерю начал разноситься, да настолько удушливый, что дышать нечем. Хоронили на кладбище ведь тоже за пайку, как побыстрее: снежком забросали, не землёй,

чтоб только рук-ног не торчало. Запах почуя, волки со всей округи собирались стали, собаки с деревень набежали. В покойницкую же, в барак тот и вовсе невозможно стало заходить, как нос не затыкай.

Возмущения в бараках начались. К тому же от мужиков и молодежи, которых сразу позабирали, нет и вестей никаких. Шуметь начали:

— Возвратите мужиков, или, небось, сгинули там! Вы и нас сгубить хотите?

В конце концов, добились своего: явилось начальство с кубиками на шинелях:

— Вот что, кулаки, вон пароходы на Лименде стоят. Садитесь на любой и поезжайте.

Яков — в барак:

— Мама, поедем. Пароход стоит...

Ну, пароход — не пароход, а баржа, действительно стояла. Такая, на каких скот возили, навоз с неё убрать не успели. Погрузились, не зная: радоваться тому, что с Макарихи вырвались, или страшиться того, что впереди ждет.

Уже устроились, место себе отвоевав, как с берега голос знакомый услышали: отец! Вырвался-таки в Котлас, исца своих, прибежал в барак, а тот опустел наполовину. Хорошо, что надоумил кто-то, глядя, как мечется мужик в отчаянии: на берег беги, может, успеешь. Замахал Яков руками: сюда-сюда!..

На буксире баржу тащили до Яренска суток пять. Выгрузили в Яренске на берегу, где контора бывшего совхоза «Яренский». Вода ещё большая стояла. Весна в разгаре, одиннадцатое мая, а вот день выдался холодный, ветреный. Снег выпал накануне, сантиметров в десять. Народ на берегу собрался, на прибывших смотрели без улыбок, только и слышно вполголоса опасливое: кулаки, кулаки...

Стояла в Яренске церквушка деревянная, бывшая тюремная, туда погнали всех. Набилось в неё так, что и сесть некуда. Кто у стены притулился, кто иконы с алтаря срывает, чтоб сесть куда было.

Но и тут задержали недолго. Вскоре уже всех погнали дальше, в тайгу, где к тому времени первые бараки строились. Вот только пути до этих бараков были десятки и десятки километров.

Семья Виташкевичей осталась в Яренске, выручил отец. Ещё когда все размещались в церкви, он сыскал коменданта:

— Вы знаете, я специалист. И по кузнечному делу могу, и по слесарному, и токарь, и машинист. Может, пригожусь?

Тот глянул оценивающе:

— Выходи, раз так. Дело найдется.

Устроились в комнатушку жить. Яков в нахлебниках ходить не пожелал: уже четырнадцать лет минуло, возраст в те годы не детский. Стал искать работу и он. Приняли на яренскую электростанцию, она располагалась в те годы в здании на улице братьев Покровский (это здание, достроив к нему второй этаж, позже сделают Универмагом). Месяц или два проработал, пока однажды не попался на глаза кому-то из комендатуры:

- Ты зачем здесь? Технику хочешь из строя вывести, Яренск без света оставить? Марш отсюда!

В леспромхоз устроил его работать отец. Курьером: бумажки по учреждениям разносить. Но и там больше месяца не задержался. На этот раз ушёл сам, не выдержал: там к пареньку иначе как «враг народа» да «кулацкий сынок» не обращались.

И опять отец помог. Он к тому времени себя хорошим специалистом показал, освоился на новом месте. В мастерские устроил сына, на фрезерном станке поставили работать. Тем более, что и учить этому делу паренька сильно не пришлось: с отцом не только на паровозе раскатывал, но и к слесарным работам присматривался с интересом.

Хоть и казалось уже, что устроились, прижились, но страх оставался. Палочники лютовали, выискивая сбежавших из леса переселенцев. И на живших открыто в Яренске переселенцев смотрели косо: не здесь им место.

Опасались не напрасно: зимой тридцать первого всю их семью, кроме отца, отправили в Пантый. Пошли пешком, только вещи разрешили на подводу сложить. До Кижмольской тракторной базы дошли. Она не так давно образовалась, работали здесь на американских тракторах. Вот на них-то парнишка и загляделся с восхищением, ничего подобного в жизни своей не видал. Глядел-глядел, а когда после короткого отдыха семья дальше в путь собралась, матери свое решение объявил:

– Вы идите, а я тут останусь работать.

Пропажи парня никто не заметил. Не лагерная зона, где каждый человек на счету: сюда тысячами завозили, сотнями гибли здесь или бежали, поди наведи точный учет.

На базе начальника отыскал быстро, велика ли база: два барака, гаражи да электростанция-нефтянка.

– А что делать-то умеешь, – тот оглядел паренька с ног до головы с нескрываемым подозрением.

– Да что заставите, – смел был, терять-то все равно нечего.

Сунул начальник в руки муфту сцепления: заклепай. Вот где пригодились часы, у отца на паровозном депо проведенные: там тоже муфты были, только большего размера. Подошли другие механизаторы взглянуть:

— Дело знаешь. Молодец!

Механизаторов тогда в районе было мало, опытных и вовсе не найти. А трактора и хороший руки, и ремонта требовали.

— Ладно, — сноровка новичка начальнику приглянулась, — берём тебя.

Кижмольская тракторная

Первое время, конечно же, ни о каком слесарстве и не думай. Был на побегушках: это подай, то принеси. Выручил случай: заболел машинист на нефтенке-электростанции. Виташкевичу сказали:

— Заступай.

А вскоре вышла неприятность: сменщик у него проспал, масло вытекло, подшипники поплавились. Свету не стало — база стоит. Один выход: в Яренск на токарный станок. А легко сказать — в Яренск, один вал весом в пуд.

Переглядываются мужики: кому идти? На самого молодого ткнули пальцем.

Взял мешок, сложил всё туда, и — бегом, в ночь. Прибежал к отцу, разбудил, объяснил всё.

— Ложись, сын, поспи, а я сейчас токаря подниму.

Через четыре часа будит отец:

— Все сделали, иди.

Поспел назад как раз к завтраку. В столовую пришел, над чашкой с кашей склонился. Заходят Лемзаков с Ребусевичем, начальник с механиком. Зашумели:

— Ты что, такой-сякой, сидишь, не идешь в Яренск?

— Сходил уже, — кашу свою спокойно дожёвывает.

— Врешь, быть того не может!

А сами на нефтянку бегом.

За ту ночную пробежку Виташкевича премировали: выдали фуфайку новую, брюки, шубу романовскую и краги хромовые.

— Доволен? — улыбался Ребусевич, глядя, как тот примеряет на себя выпавшее счастье в виде таких вещей.

— Павел Федотович, — осмелел Яков, — возьмите меня на тракториста учиться.

Ничего сразу не ответил механик. Кому, как не ему было знать: уже только за одно то, что на базе держат «врага народа», по головке могли не погладить. Но и механизаторы ох как нужны были, а из парня, сразу видно, выйдет толк.

Курсы трактористов проходили прямо на базе. Да какие там курсы: механиков было много, да в технике мало кто разбирался хорошо. Так и учили:

– Вот это гусеница, вот это двигатель, а вот заводная ручка, её надо крутить....

Но документ об окончании всё же дали, а вскоре и на трактор посадили: работай!

И тут вот какая история приключилась. Трактор пришел новый, заводить его начали – подшипники стали плавиться. Дело небезопасное, особенно для Виташкевича, клейма «врага народа» с него никто не снимал. Тут уже милиция ходить принялась, посматривать с подозрением: не вредительство ли? Время такое, пальцем стоило только указать – десять лет лагерей можно было схлопотать.

Был до этого случай на базе: женщина уборку делала в мастерских, пенный огнетушитель задела, он с верстака – на пол. Колба разбилась, струя бьёт, всю пеной залило. К ней придрались: с умыслом, мол, разбила. Таскали да таскали по допросам, потом все же механики помогли, доказали, что такое с каждым может случиться. Отпустили женщину, она сразу же уволилась и уехала.

Но то – огнетушитель, а тут – трактор! И все же решил Яков попробовать с проблемой справиться. На железной дороге старые слесари все секреты бабита, которым подшипники заливают, знали хорошо. Олова в продаже много было – ложки, вилки. Послали человека в Яренск закупить, целый мешок в мастерские приволокли, на полсыпали и смотрят, что он с этим делать станет.

Виташкевич бабит расплавил, добавил туда более чем наполовину олова. Механики вокруг сгрудились, милиционер из Яренска приехал, молчит многозначительно. Стоит промашку допустить – не простится она.

Новым сплавом подшипники залили. Поставили их на место, стали трактор заводить. Опять все столпились, ждут: вот-вот забрякает внутри, тогда вся работа наスマрку. А двигатель час молотит, другой. Заглушил, мужики кинулись поддон щупать – холодный! Вот тогда и он вздохнул облегченно.

Был еще случай, дойди до ушей, которые ко всему так и прислушивались, пришлось бы проститься с базой, а заодно и со свободой. Сразу после того, как окончил курсы трактористов, работал Виташкевич сцепщиком у одного тракториста.

Выехали они как-то в лес, двигатель заглох. Трактора тогда работали на керосине, а заводились на бензине, для него и бачок специальный был. Оказалось, трактор-то завел, а на керосин не переключил. Пока был бензин в баке, ехали. А тут – стоп, и без бензина не заведешь.

Тракторист виноват, а крайний-то все равно сцепщик. Посыпает его тракторист:

— Бери ведра и беги за бензином.

Дело зимой было, морозец крепчает. Яков фуфаечку скинул, чтоб легче бежалось, и полетел. Два ведра бензину взял — и назад кинулся.

По дороге Ребусевич нагоняет на лошади, а были у него саночки небольшие, красивые. Сам в тулупе сидит, в санях сено. Лошади у него здоровые, северолесские.

— Ты куда с ведрами? Ну, становись сзади.

Одно ведро в сани поставил, другое в руке, едут. И все бы хорошо, да вздумал Ребусевич закурить. Спичку горящую на сено обронил, а там бензин рядом — полыхнуло враз. Яков успел-таки выдернуть ведро, хоть и разлилось наполовину, Ребусевич вывалился из пылающих саней, по дороге кубарем прокатился, вскочил на ноги, ругается:

— У, мать твою, специально меня сжечь хотел, да?

Но ругайся — не ругайся, а лошадь, напуганная пламенем за спиной, уже за поворотом скрылась. Куда побежит она, ясно — на конюшню. Ткнется с испугу к стогу — все пожжёт.

Побежали следом. Вот и трактор уже виден.

— Тут лошадь не пробегала? — к трактористу кинулись.

— Была-а-а. Только с огнем почему-то...

Одно спасло тогда от пожара: конюх вышел коней попоить и не дал беглянке ходу. А вот от санок красивых что и осталось, так лишь два полоза.

На тракторной базе работал недолго, куда только потом не перебрасывали по району. В Чернокурке дрова пилил для пароходов, в Ирте, в Слободчиково, в Литвино с техникой работал. Вот в Литвино и услышал Яков, что совсем неподалеку строится подвесная железная дорога. Ничего не держало, вещички собрал и отправился пешочком на Сендугу. Там как раз только еще начинался монтаж путей, сборка мотовозов. Умелые руки были ох как нужны.

Небесный извозчик

К счастью, сохранился один фотоснимок того уникального транспортного средства, каким была Сендугская подвесная дорога. Сейчас только по нему да по воспоминаниям очевидцев приходится вовсю напрягать свою фантазию, чтобы увидеть картину, даже для нашего времени преудивительную: глухой лес, а меж деревьев по просеке, на уровне верхушек, а то и выше их плывут по воздуху пачки древесины.

Что же представляла собой Сендугская подвесная дорога? Придется и нам призвать на помощь все свое воображение и рисовать мысленно непривычную картину.

Мотовоз на Сендугской подвесной дороге.
1930-е годы.

*Фото из фонда Яренского
краеведческого музея.*

Яков Кириллович Виташкевич.
1970-е годы.

Прежде всего – сама трасса. Строилась она так: по прорубленной в чаще леса просеке устанавливались на расстоянии трех метров друг от друга деревянные сваи. Высота их зависела от рельефа местности: доходила до двенадцати метров, но ниже четырех быть не могла. Для того, чтобы сваи не заваливались набок, устанавливались деревянные откосы. Наверху сваи соединялись прогоном – деревянными балками, на которых крепился один рельс.

Как по одному рельсу да на такой высоте тяжёлый мотовоз не только двигался, но и перевозил пачки древесины? А вы согните кусок алюминиевой проволоки буквой «П» и поставьте верхней перекладиной на палец – буква будет скользить по пальцу не сваливаясь. Теперь на нижние концы буквы какой-нибудь груз закрепите, только одинаковый по весу на оба конца – держится буква!

По этому же принципу действовал и транспорт. Вид и мотовоза, и сцепов для перевозки древесины спереди как раз и напоминал букву «П», основной груз располагался равномерно по нижним концам и свисал ниже рельса. Колеса, а их было по два на мотовоз, делались на манер обычных железнодорожных, только выступ на ободе имелся с той и другой стороны, так что выемка не позволяла слетать с рельса. Дорога имела повороты, потому одно колесо могло свободно скользить по оси вправо и влево.

Древесина перевозилась не хлыстами – её пилили на сортименты прямо в лесу. Грузили одновременно на одну сторону сцепа и на другую, причем в строго одинаковом количестве – чтоб не было перекоса. В вагончиках пассажирских – были и такие – машинист следил, чтоб садились строго по обе стороны. Древесину разгружали на берегу Вычегды так: рабочий в нужном месте дергал за крючок на сцепе, древесина разом с двух сцепов падала на землю.

Ни в каком другом районе нашей области такой воздушной вывозки не велось, да и в стране было построено две или три такие дороги. Была она экспериментальной, рассчитанной на пять лет, но просуществовала с 1933 по 1948 год. Эксперимент тот, видимо был признан неудачным, поскольку никакого продолжения идея воздушной вывозки древесины не нашла.

– А зря, – считают многие, кому довелось поработать на подвесной, – особенно в наше время. Поставь бетонные сваи – сносу бы не было. Ремонта большого дорога не требует, да и снежные заносы им нисколько не страшны.

Несколько лет тому назад мы с руководителем Яренского школьного историко-туристического клуба Николаем Ильиным, с яренскими и суходольскими школьниками решили побывать там, где проходила подвесная дорога. От самого поселка осталось немногое: нашли только старый колодец с удиви-

тельно чистой водой. От бараков (а поселок был немаленький) не осталось даже следов развалин: что-то вывезли в Слободчиково, остальное давно превратилось в труху, затерялось в густой траве. Зато по пути туда и обратно не раз встречались торчавшие из земли полусгнившие обломки старых свай, ржавели брошенные рельсы...

На базе под Слободчиково, где трассу еще только начинали строить, Виташкевичу снова устроили экзамен. Подвели к фрезерному станку: показывай, что можешь. Присмотрелся он к станку, да это ж старый знакомый! Ещё в Яренске в мастерских на нём работал.

Задание выполнил без труда. Подошел механик. На работу взглянул только и сказал:

— Пятый разряд. Работай.

Вот так: до сих пор только по третьему разряду работал, а тут сразу пятый поставили.

Дел на стройке хватало, станок без дела не стоял. Только Яков между тем уже к мотовозам присматривался. Механика остановил однажды:

— Василий Матвеевич, поставь меня на мотовоз.

— Что ж, — тот долго не думал, — помощником съезди в рейс, потом посмотрим.

Дело оказалось немудреным, а к тому времени Яков не только трактор, но и машину-полуторку поводить успел. Съездил в первый раз помощником, присматривался. Во второй рейс уже сам мотовоз повёл.

Страшно ли было в мотовозе на такой высоте ехать? Страх, может, и был. Только ведь и по узкоколейной железной дороге, что совсем недавно существовали в Урдоме, в Литвино, в Гыжеге, ехали в лес на тепловозе — так болтало тебя на изогнутых путях, что на землю из окна вагона посматривали с опаской.

Правда, там была — высота. Случалось, что помощник машиниста, состав на ходу проверяя, срывался вниз. Хорошо, если зимой в снег — без ушибов обходился. Только дальше пешком приходилось добираться: не на всяком участке дороги снова на мотовоз вскарабкаешься, высоко.

Валились и мотовозы. Как-то раз приехал на Сендугу секретарь райкома партии Гаркунов, с начальником дороги Лихановым поехали они на мотовозе с порожняком в лес. Приехали, а там женщина рожать собралась, срочно надо в больницу. Раз дело такое, забирает Виташкевич, не мешкая, состав, женщина садится в мотовоз, секретарь райкома туда же. Поехали.

Самое высокое место дороги проходить стали — метров двенадцать над землей. Мотовоз — машина в двенадцать тонн — со всем участком пути так и завалился набок. Живы все остались, только секретарь пострадал: бочка

с нигром стояла в кабине, его так и окатило. Он револьвер вытащил, тычет в лицо машинисту: застрлю!

Пешком до разъезда ближнего дошли, по телефону позвонили. Второй мотовоз пришёл, их забрали. В тот же день за Виташкевичем милиционер на лошади приехал, забирать. И забрали бы, да мастер выручил, заступился. Осмотрели место падения – сваи деревянные сгнили.

Бригаду немцев, тоже из числа спецпереселенцев, пригнали, они за сутки эстакаду восстановили, пошли составы.

Сендуга

О жизни поселка Сендуга рассказать придется побольше. Она того вполне заслуживает. Жили сендугчане в бараках, как и во всех лесных посёлках в ту пору. Но условия жизни во многом зависели от того, как работаешь. Были в общежитии и стахановские комнаты, было и стахановское меню в столовой. Да и больше смотрели тогда не на то, сколько заработал, а на доску показателей. Соревнование, не раз осмеянное и обруганное в наши дни, служило тогда хорошим стимулом.

Дело было поставлено хорошо. После разгрузки сортиментов трасса по берегу Вычегды делала большую петлю, для разворота. Проходили ее на небольшой скорости, а как мимо диспетчерской проезжали, на Доске показателей работы твой результат мелом был крупно выведен. Тут и процент выполнения дневного задания, и уже сумма заработка.

Кроме Доски показателей были у машинистов мотовозов еще две Доски: одна Красная – Доска Почета, значит, а другая – Чёрная. Как справился с дневным заданием – на Красной свою фамилию ищи. Не дотянул хоть немного – у Чёрной товарищи твои пальцем в твоё имя тычут. Но еще поизорнее было получить знамя из рогожи, на нем было выведено издевательское: «От вас, лентяи, не уйду!»

Хотя, если говорить честно, лентяев, уже не говоря о прогульщиках, не было. Сноровки многим не хватило, опыта, это да, а вот старания было не занимать. Случалось, что техника подвела, ремонтировался полдня – вот и сорвал норму. Но уж если и день, и три в отстающих ходишь – знамени из рогожи сшитого не миновать. Тогда от насмешек не знаешь и куда деваться.

В первые дни знамя это на своем мотовозе Виташкевичу тоже повозить довелось. Техника досталась неисправная, поломка за поломкой. Зато потом рогожу с мотовоза своего с облегчением снял и больше не получал ни разу.

Норма была на рейс – семьдесят кубометров. Много это или мало? Для сравнения скажу: если брать не в сортиментах такую кубатуру, а в хлыстах, то на три нынешних МАЗ-лесовоза вполне войдёт, еще и остаток будет.

Один из машинистов попробовал было не семьдесят, а девяносто за рейс увезти. Его тут же забрали как врага народа – технику, мол, старался из строя вывести, подвесную дорогу перегрузом нарушить. Времени после того случая прошло совсем немного, а тут по стране стахановское движение объявили. Грузи и вези сколько хочешь.

– Думаю, мать честная, – рассказывал Яков Кириллович, – дай попробую больше увезти. Рельеф дороги я знал хорошо. Еще когда с отцом на паровозе ходил, знал: как при спуске следует притормозить, а где и скорости прибавить – в детстве эти вещи в голове легко укладываются. Приехал на погрузку, там немцы на навалке работали. Ребята, говорю, мне два состава нагрузите. Один я ставлю впереди мотовоза, другой позади. Вот так и пошли. Состав длинный, когда передняя часть на подъём идёт, задняя, спускаясь, подталкивает и мотовозу помогает.

Телефонная связь работала по всей трассе отменно. О том, что Виташкевич решил за один рейс два состава доставить, в поселке узнали быстро. Он еще только к диспетчерской подъезжает, видит: все начальство вышло встречать. Разгрузился и порожняком снова к диспетчерской подъезжает. На доску показателей взглянул, а там крупно выведено – 250 процентов!

Присвоили ему звание стахановца, удостоверение выдали первому на Сендуге. Перевели из обычной барабанной комнаты в стахановскую, на одного жильца предназначеннную. Еще сообщили, что должны ему вручить часы, да кто-то посчитал, что для спецпереселенца и этой чести достаточно. Не дошли часы до Виташкевича.

В одном не было поблажки – в работе. Выходных почти не знали, а о таком понятии, как отпуск, и заикаться грех. Ездили сутками, каждый только старался, чтоб субботний вечер выдался свободным.

– Спайка в мехпарке очень сильная была, – вспоминает он о тех днях с удовольствием, – как было принято: в субботу – баня для мехпарка. Карточная система на продукты была, но мы с поваром договариваемся, она нам в будние дни то котлету от обеда отбывает, то рыбу – к субботнему ужину. Пили так: если можешь – на двоих одна бутылка водки, если плохой питок – на троих. Больше не пей, если только узнают, что выпил лишнее: в коридоре общежития станут все у стенки, так затолкают – не пройдёшь. До того догоняют, пока не взмолится: ребята, больше не буду!

Слушал я рассказ Якова Кирилловича, а голове одна мысль сидела колючая: ведь строили самое светлое будущее, строили и тогда, в середине тридцатых, почти в самый разгар политических репрессий. И где! В тех самых посёлках, где столь многие от этих репрессии уже пострадали. И верили,